

18 СЕН 1983

Воспоминания о жизни и творчестве Г. Мосина

Имя Владимира Васильева, ведущего солиста Большого театра, народного артиста СССР, лауреата Ленинской, Государственной премий СССР и премии Ленинского комсомола, известно всему миру. Он танцует на главной балетной сцене страны с 1958 года. Зрители хорошо помнят заглавные партии, с блеском исполненные им в балетах «Спартак», «Иван Грозный», «Шелкунчик», «Дон Кихот», «Конек-Горбунок», «Ромео и Джульетта» и других.

Последние десять лет Владимир Васильев успешно совмещает исполнительскую деятельность с балетмейстерской. Широко известны его постановки «Икар», «Эти чарующие звуки», «Макбет».

К последним работам Васильева относятся музыкальный спектакль «Юнона» и «Авось» в театре им. Ленинского комсомола и балет «Перед спектаклем», премьера которого состоялась в конце прошлого года в Париже в честь юбилея Галины Улановой. Не так давно на экран вышел фильм-балет «Анюта» по рассказу Чехова «Анна на шее». Васильев — исполнитель роли отца Анны, он же — постановщик фильма.

— Владимир Викторович, расскажите, пожалуйста, о Ваших первых постановках.

— Я никогда не был просто исполнителем, а всегда критически относился к тому, что мне предлагал балетмейстер, даже такой, как Касьян Голейзовский. Я заражался предложенной мне идеей, но всегда пытался ее развить, фантазировал, искал различные варианты воплощения.

Несколько лет спустя Юрий Григорович предложил мне самостоятельно поставить балет «Икар» на музыку Сергея Слонимского. Работать было очень трудно.

Очень важно, чтобы замыслы композиторов, балетмейстеров и либреттиста сов-

падали уже с самого начала работы над постановкой. Хорошо, если есть возможность обсуждать с художником оформление: бывает, что прекрасное решение той или иной сцены, найденное художником, толкает постановщика на новые мизансцены. Именно так, в творческом содружестве, мы работали над балетом «Макбет» с художником Валерием Левинталем.

— В этом спектакле Вы несколько изменили сюжетную линию. Макбет умирает у вас не от руки человека, а погибает нравственно. Вы также отказались от некоторых персонажей. Чем это вызвано?

— Сила и убедительность искусства не в следовании букве повествования, не в переложении каждого слова на музыку и движение, а в передаче замысла автора, самого духа произведения. Наше искусство условно: маленький монолог может вылиться на балетной сцене в продолжительную вариацию, и, наоборот, длинный диалог может быть передан в несколько секунд, несколькими балетными «фразами». Самое главное для меня — это четко выраженная и понятная зрителю мысль, заложенная в каждой данной фразе. Мысль непременно должна быть облечена в оригинальную и понятную форму.

— Что представляется Вам наиболее трудным в работе постановщика?

— Самое трудное, даже мучительное для меня — это поиск, то есть время, когда я еще нечетко вижу ту или иную сцену. Когда же я точно знаю, что хочу сказать той или иной мизансценой

или монологом, работать становится легко.

— Вы упомянули о своей работе с Голейзовским и Григоровичем, которые первые открыли в Вас постановщика. Кого еще из своих учителей Вы можете назвать?

— Учителя — это обязательно те, у кого непосредственно учишься. Я, например, не работал как ученик с Николаем Фадеевым, но он танцевал рядом со мной... Иногда я смотрю на нашу молодежь и учусь у нее, как надо или как не надо танцевать. Я очень многим обязан таким мастерам, как Алексей Ермолаев и Михаил Габович, двадцать лет занимаюсь у Мессерера, ежедневно получаю от него много ценного. Последнее время репетирую с Улановой, которая говорит мало, но умеет заставить внутренне собраться, серьезно относиться даже к самым незначительным движениям на сцене. Она, как никто, следит за чистотой танца. Атмосфера творческой сосредоточенности возникает при одном ее появлении в репетиционном зале.

— На Ваш взгляд, оправдано ли выражение: «Вкус — это человек»?

— Когда я прихожу к кому-то в гости и вижу, что там все выдержано в одном стиле, меня это успокаивает, мне нравится, что у человека тонкий вкус и он подобрал вещи, гармонирующие друг с другом. Но, несмотря на это, у меня в доме все наоборот.

Мало того, у меня никогда не было длительного пристрастия к какому-то одному автору — ни в литературе, ни в живописи. Наиболее стабильны мои вкусы в музыке: ча-

ще всего я обращаюсь к Чайковскому, Прокофьеву, Баху, Моцарту, а также Стравинскому.

— Скажите, пожалуйста, из каких книг состоит Ваша библиотека?

— В основном из книг по искусству: балету, драматическому театру, музыке, живописи — самых разных течений и времен. Места не хватает, появляются дополнительные полки, а книги все прибывают...

— А как Вы находите время для чтения?

— Читаю обычно по ночам, часов до двух ночи, а если что-то особенно увлекает меня, и до утра.

— Помните ли Вы первые прочитанные книжки?

— Это было в школе: мама давала мне деньги на завтрак, а я откладывал их на книги. Вот тогда, в самом начале пятидесятых годов, у меня и собралась моя первая библиотечка — от Толстого до Дюма. Иногда мне приходилось хитрить, я говорил маме: «Эту книгу мне подарили, эту дал почитать товарищ».

— Наверное, те Ваши книжки дорожали для Вас, чем то, что приобретали позднее?

— Конечно. Уже сам факт легкости приобретения уменьшает ценность того, что приобретаешь. Так было и с квартирой: самую большую радость мы с женой Катей Максимовой получили от нашей первой комнаты в коммунальной квартире. Там жило еще несколько человек — артисты Большого театра, но это была наша комната, и атмосфера в ней была очень приятной и интересной. Я много лепил и рисовал тогда, комната была заставлена красками, гли-

ной — пройти было негде. Уже совсем необыкновенным счастьем было получение маленькой отдельной квартиры: мы приходили в свой дом, и это было поразительным счастьем. Впоследствии появилась квартира больше, но такой радости она уже не доставила.

— Сейчас мы находимся с Вами на даче, где можно рисовать и лепить с утра до вечера. Занимаетесь ли Вы этим больше, чем прежде?

— Нет, наоборот. Потому что появилось еще множество других интересов: магнитофон, проигрыватель, пластинки — я вообще очень люблю технику. Таково наше время: много вокруг материальных благ. Другое дело, если начинаешь подпадать под их власть, охотиться за тем, что тебе не очень нужно, но кажется, будто нужно... Тогда это уже наносит вред.

— Вы считаете, что материальные блага могут отвлекать от главного — от творчества?

— Да, я думаю, это так. Духовные богатства никогда еще никому не мешали. Никому не придет в голову сказать: «Ах, как я много знаю, лучше бы я знал меньше». Напротив, чем больше знает человек, тем меньше у него безапелляционности в суждениях. С материальными благами дело обстоит совсем иначе.

— Существуют и такие взгляды, что духовное необходимо тогда, когда все остальное уже есть...

— Мне знакомы потребители, которые видят жизнь в 소비рательстве и накопительстве. А есть люди, которые потребляют преимущественно духовную пищу: они готовы, как говорится, есть пустые щи, но при этом увлеченно творят, работают, находят в этом наивысшую радость. Для меня здесь даже нет вопроса. Если бы передо мной стоял выбор, я не задумывался бы ни минуты — без творчества я просто не мог бы жить...

М. МАРКОВА.